

SLAVO-ALANICA

А.И. Илиади

В статье рассматривается ряд лингвистических свидетельств контактов древних славян и алан – восточноиранского кочевого народа, который, согласно средневековым хронистам, а также по данным археологии, в VI в. н. э. заселял южнорусские степи, Приазовье и отчасти Крым. Фактологическую базу, на которую опирается автор в своих выводах, образует сумма этимологий, среди которых: а) славяно-аланские сепаратные семантико-этимологические тождества на уровне формульных выражений поэтического, правового языка, образованных по общим для обоих языков клише (нсл. *bъrati sьrdьse ~ алан. *zard [ʔ]-varun; нсл. *čariti kьrtq ~ ср.-иран. (алан.?) *karda kar[n]-; нсл. *činiti koranq ~ алан. *kar[a]na, согд. vadu-karanāk); б) вероятные аланские заимствования в славянский словарь (*tā-goša ‘лентяй’, *ba-kandaк или *ba-kandag ‘ритуальный хлеб’, *bārag или *barg[a] ‘настуший мешок’, *barn[a] ‘обязательство’, ‘гарантия попечения’); в) весьма близкие типологические аналогии (нсл. *ne-orbь/*ne-orba ~ осет. tagūsa | tagosa и пр.). Ареал вероятных следов Slavo-Alanica, обозреваемых в статье, очерчивается степными говорами Украины, говорами Одесской и Херсонской областей, т.е. территориями, отчасти входившими в регион контактов асо-славянского племени антов и алан. На основании сказанного делается вывод о возможной принадлежности перечисленных лексических и фразеологических единиц к остаткам алано-антского адстрата, унаследованного местной славянской речью.

Ключевые слова: этимология, семантика, производное, языковые контакты, реконструкция.

Одним из народов, чьи исторические судьбы были тесно связаны со славянским миром, были иранцы. Культурные контакты двух этносов, упомянутые в трудах древних историков и засвидетельствованные археологическими раскопками, естественно, оставили о себе память и в языке. Лингвистическая разработка следов соприкосновения обеих языковых систем и самобытных культур в трудах А.И. Соболевского, В.И. Абаева, А.А. Фреймана, А.А. Зализняка, В. Бешевлиева, О.Н. Трубочева, В.Н. Топорова, Д.И. Эдельман, И.М. Оранского, А.Ф. Журавлева, И.Г. Добродомова, Вяч.Вс. Иванова, В. Цветко-Орешник, А. Ломы, В. Блажека более чем за сто лет привела к накоплению суммы славяно-иранских лексико-словообразовательных схождений и очевидных раз-

новекторных заимствований, разбор которых намечает отдельную отрасль сравнительно-исторического языкознания – сравнительную грамматику иранских и славянских языков. Опыт изысканий в этой области, с одной стороны, обозначил направления научного поиска и критерии отбора фактов, а с другой поставил исследователей перед необходимостью ответа на целый ряд частных вопросов, каждый из которых потенциально содержит ядро новой проблемы.

В частности, перспективным представляется вектор поиска свидетельств славяно-аланских языковых контактов, имевших место в разное время с VI по XIII вв. на территории южнорусских степей и Приазовья. Речь идет не только о заимствованиях, но еще о пережи-

вании совместных лексико-семантических инноваций, стимулированных исконным родством культур, языков и генетическим единством словарного материала в сумме с близким репертуаром словообразовательных средств. Первый камень в фундамент проблемы Slavo-Alanica, одинаково важной для истории иранских и славянских языков, заложил В.И. Абаев, который в ряде трудов развивает мысль об особых отношениях аланского и праславянского языков, сохранных в последующий период уже как отношения древнерусского и аланского. Результаты тесного восточнославяно-аланского межъязыкового общения хорошо иллюстрируются содержанием дефиниций «Историко-этимологического словаря осетинского языка» Абаева, чьи данные в ряде случаев не только проясняют источник древнерусских и русских слов, изолированных в славянской лексико-словообразовательной системе, но также дают иранскую (осетинскую) базу для узких славяно-аланских сравнений и показывают роль сармато-аланской этнической среды как культурного посредника в контактах славян с народами Великой степи и Северного Причерноморья. Напр., аланская речь выступила проводником из кавказского источника в славянский словарь важного термина языческой религии славян *кумиръ*, *кумирь* → алан. (ср. осет. *gimeri*, *gæteri* ‘великан’, ‘дубина’, ‘идол’) → груз. *gmiri* ‘герой’, ‘богатырь’, ‘исполин’ (далее восходит к древнему этнониму *Κιμμερίοι* ‘киммерийцы’) [1, I-530].

Ниже предложены несколько примеров общих славяно-аланских инновационных явлений, в основном, из области лексики и фразеологии поэ-

тического языка и языка права. При правильной трактовке доносимых ими отзвуков представлений о жизни древнего общества и его законах оказывается, что тезис Вяч.Вс. Иванова, согласно которому контакты с иранцами в какой-то степени «оживили» индоевропейское культурное, языковое наследие у славян, применим не только к сфере религиозной идеологии [2, 35], но и к социальному устройству равно, как и к морали.

Интерпретация иранской части обозреваемых параллелей как аланских элементов опирается на осетинский материал, наследующий традиции аланской речи, или же на лексику близкородственного аланскому согдийского языка и (в меньшей мере) на словарные данные современных восточноиранских языков. Например, если для русских или украинских слов обнаруживаются близкие структурно-этимологические аналоги не в осетинском, а в согдийском, то это говорит не о следах соприкосновения согдийского и славянского, что элементарно противоречило бы данным истории обоих этносов. Эти случаи – свидетельства существования у части позднепраславянских диалектов лексико-словообразовательных и синтаксических клише, сложившихся под влиянием сармато-аланской речи, очень близкой языку согдийцев – факт, проистекающий не только из родства этих языков, но также основанный на сумме осетино-согдийских лексических изоглосс, установленных в исследованиях В.И. Абаева и Э. Бенвениста. Следовательно, согдийские этимологические параллели к славянским лексемам намекают на бытование в прошлом аналогичных аланских лексико-словообразовательных и синтаксических образцов.

1. Этимологические тождества на уровне правовых микротекстов

1.1. Псл. **bʷrati sʷrdʷse* ~ алан. **zard* [?]-*varun*.

Отмеченным в ареале подольских говоров укр. народно-поэтическим выражениям *за-класти серце* 'пообещать, дать клятву' («а середульший син серце прозаклав, що учинить, як то йому мати веліла») и *не бери серце* 'не обеща́й' (только в отрицательной форме) (1985 г.) [3, 39] в осетинской фразеологии отвечают *zærdæ ʷæryn* 'обещать', дословно – «класть сердце», «вклады́вать сердце» [4, 73, 103], *zærdæ ʷæryn* 'обещать', 'обнадеживать' (букв. также 'вклады́вать сердце') [5, 73], *zærdæ ʷæryn* 'ободрять' [1, IV-300]. Однако более пристальное внимание мы бы обратили именно на диал. *не бери серце*, т. к. в *брать* распознается семантический архаизм 'нести' (!), и вся конструкция повторяет древний семантический рисунок «носить сердце» у осет. формулы, содержащей др.-иран. **bar-* 'носить' (этимологически *æværyn*, *æværun* 'класть' из **bar-* 'носить' с *æ-* – остатком преверба) [1, I- 193–194], тождественное псл. **ber-* < и.-е. **bher-* 'нести'. Идентичность состава обеих конструкций довершается генетическим тождеством слав. **sʷrdʷse*: иран. **zrdajā-* (региональный озвонченный вариант и.-е. этимона, отраженного в слав. слове) > осет. *zærdæ* 'сердце', потому есть смысл говорить об общей славяно-аланской инновации в поэтическом языке **bʷrati sʷrdʷse*: алан. **zard* [?]-*varun*.

1.2. Псл. **čariti kʷrtq* ~ ср.-иран. (алан.?) **karda kar[n]-*.

Употребительный в русском арго (условном языке) (Одесская обл., 1982 г.) оборот *кóрту ча́рить* 'понимать' (или инвертированное «А ты ча́ришь

кóрту?» = понимаешь, можешь понять) [3, 71] представляет собой любопытный феномен. Обратимся к его составу: глагол *ча́рить* известен в значении 'делать', тогда как первый компонент в самостоятельном употреблении отсутствует, будучи лишенным собственного значения. По существу, указанный оборот доносит еще праславянское словосочетание **čariti kʷrtq*, дословно – *делать сделанное* = мочь, быть в состоянии. Конструкция состоит из реликтового и.-е. причастия на *-t-* **kʷr-to-* (~ иран. **kʷr-ta-/kʷar-ta-*), соотносительного с и.-е. **kʷer-* 'делать', и глагола того же корня – псл. **čariti* 'делать, творить', 'колдовать' (см. о нем: [6, IV-23–24]).

Псл. **čariti kʷrtq* по значению и генетически смыкается с иранским выражением. В частности, интересна передающая семантику 'мочь (что-нибудь) сделать' (а в общем – категорию потенциальности) синтаксическая конструкция из прич. прош. вр. от $\sqrt{\text{kar-}}$ + личная форма того же глагола, отмеченная в восточноиранских языках и в белуджском. Ср. *krta* + *kar-* в согд. христ. *krta kar-* и мундж. *ikar-kən* 'мочь', где *ikar* из прич. пр. вр., а *kən-* – основа наст. вр. от $\sqrt{\text{kar-}}$ 'делать'. То же сложное образование показывают согд. будд. и ягноб., где находим причастие от $\sqrt{\text{kar-}}$ + личная форма от *kar-*, *bav-*, *wn-*, *yan-* ([7, 90–91]: с литературой). Праславянская конструкция возникла не без влияния иранского словосочетания, чему способствовало наличие в словаре обоих языков этимологически общей лексики с близким набором значений, облегчившей перекодирование иранской семантической и синтаксической техники в славянской речи. И хотя обзримый корпус материалов аланского и современного осетинского языков не дает

примеров *krta + kar-*, все же аланский составной глагол **karda kar[n]-* ‘сделанное делать’ = ‘мочь’ возможен как вероятный образец, клише, по которому создавался славянский «двойник», ср. осет. *kænin, kænyu* ‘делать’ < **kar-n-* [1, I-579–581].

1.3. Псл. **činiti korano* ~ алан. **kar[a]na*, согд. *vadu-karanāk*.

Укр. диал. степн. этнограф. фразеологизм *чинить корану* ‘сватать’ (1981 г.) [3, 73] с неизвестным в свободном употреблении *коранá*, чья семантика даже приблизительно не определяется на славянской почве. Надо думать о сохранности в терминологии восточнославянской свадебной обрядовости архаичной формулы, явная принадлежность которой к языковым древностям проистекает уже из того, что «темное» *коранá* образует неразложимое сочетание не с ожидаемыми в ареале степных говоров *робить, творить* ‘делать’, а с *чинить* ‘т. с.’. Только этот глагол, не отмеченный в бытовой речи, в языке ритуализованных действий образует микротексты с правовой и религиозной идеологической семантикой (*чинить молитву, чинить суд, чинить панахиду* и пр.), воспринимаемые как архаизмы. Если предположить, что *чинить* тут значит ‘заключать’, то в *коранá* можно видеть вышедшее из обихода обозначение (свадебного) договора – праславянский диалектизм, гомогенный осет. диг. *kærnae* ‘задание’, ‘заданная работа’ < иран. **kar(a)na-* от **kar-* ‘делать’, ср. др.-инд. *karaṇa-* ‘дело’ [1, I-586], *kāraṇa-* ‘дело’, ‘причина чего-либо’, ‘инструмент’, ‘способ, средство’, ‘принцип, правило’ [8, 274]. Правовая семантика, прямо связанная с терминологическим значением свадебного договора, налична в родственном осетинскому согдийском

примере: в числе согдийских юридических документов, найденных в замке на горе Муг, обнаружен текст брачного договора, где отмечена лексема *wðkrn’k* ‘брачный договор’, др.-иран. **wadu-karanā-ka-* (ср. др.-инд. *kāraṇa-* ‘акт совершения, документ, договор’) [9, 43]. Согдийское слово ценно своим правовым содержанием, способным пролить свет на семантику «темного» компонента славянской формулы. Относительно отличий в морфологии слав. и иран. лексем: они касаются лишь количества суф. гласного: псл. **kor-ana* (< **kor-ānā*) VS алан. **kar-[a]na*, согд. (*vadu-*) *kar-an-āk*.

2. Типологические параллели. Укажем еще несколько, на этот раз уже чисто типологических аналогий, не исключено, также возникших при контакте двух языковых культур. Количество параллелей в старой фразеологии, конечно, не исчерпывается указанными двумя: по предварительным подсчетам их несколько десятков. Здесь они упоминаются только с целью обозначить основные ориентиры в рамках проблемы Slavo-Alanica.

2.1. Осетинскому устойчивому обороту *æфсæст стонджы не æмбары* «сытый голодного не разумеет» [4, 12] в славянском отвечают два идеологически эквивалентных фразеологизма: рус. *сытый голодного не разумеет* и серб. *сит гладну не верује*. Но сербский пример несколько выбивается из тройки сопоставленных единиц в силу отличия семантики глагола ‘верить’, тогда как русский с глаголом ‘понимать, разуместь’ полностью совпадает с осетинским не только в плане одинаковой синтаксической позиции всех составляющих обоих эквивалентов, но и в общесемантическом плане, ср. осет. *æфсæст*

‘накормленный’ – прич. к *æфсæдын* ‘насыщаться, наедаться’ [10, 482, 484; 1, I-479–480] + *стонг* ‘голод’, ‘голодный’ [1, III-153–154] + *æмбарын* ‘понимать’ [1, I-135–136] с отрицанием при идентичной схеме и значении ее компонентов в русском.

2.2. Отметим общий для осетинской и славянской фразеологии образ «ученой колдуньи/ведьмы» и его оценку с позиций «лучше VS хуже», вводимую такими оборотами, как диг. *æпахур æвдewæj ахур æвдew хwæздæр æj* «лучше ученая колдунья, чем неученая» (?), где *æвдew* ‘демон’ развило семантику ‘колдунья’ [1, I-199], и укр. диал. *гiрша відьма вчена, як родима* [11, 4] = «женщина, которую обучили колдовству, хуже той, которая родилась с ведьминской силой».

2.3. Еще один типологически близкий для аланского, осетинского и славянского случай на этот раз относится уже к словообразованию – типу именного сложения с отрицанием: осет. *magūsa | magosa* ‘бездельник’, ‘лодырь’ из *ma-kūsa*, где *kūsa* – 3-е лицо конъюнктива от *kūsyn* ‘работать’, а *ma* – частица запрещения-отрицания [1, II-65] при слав. **ne-orbъ/*ne-orba*, ср. рус. перм. *нёробъ, -и* ‘о том, кто не работает’ [12, XXI-143] – поздняя грамматическая перестройка **нероб* по образцу *й-основ*, укр. диал. *нероб* ‘бездельник, лентяй’, *нероба* ‘т. с.’ ~ *роба* ‘трудолюбивая, работающая женщина’ [13, V-98–99] & **orbъ/*orba*. Пример интересен еще и как потенциальный фон для любопытной ситуации в исторической лексикологии иранского и славянского. Дело в том, что восточнославянский диалектный словарь удерживает аланизм **mā-goša* – вероятный антецедент осетинских лексем, который потенциально мог

коррелировать с псл. **ne-orbъ/*ne-orba* как при межъязыковой коммуникации, так и будучи интегрированным в славянский вокабуляр. Алан. **mā-goša* просматривается в укр. диал. херсон. *негóшка, нагошка* ‘лентяй’, ‘хитрец’ и одес. *магочко, магóшко, могуша* ‘кто отлынивает от работы’, ‘бездельник’ [14, 17, 21] – формы, несущие отпечаток переосмысления (перестройка **mā-* как слав. **ne-*, словообразовательная рецепция и сопутствующие явления), но сохраняющие семантику отрицания процессуального признака.

3. Заимствования. Любое длительное взаимодействие языков и культур – феномен сложный своей разноректорностью и редко познаваемый в полной или хотя бы достаточной для истории языка (и вообще истории) мере. Лингвистические штудии, целью которых является попытка углубить и расширить научные представления о межъязыковых контактах дописьменной эпохи, в первую очередь опираются на реконструкцию, для которой важны любые языковые древности. Посему для работы с аланским адстратом в славянской речи необходимы не только выделенные лексико-семантические и синтаксические новшества, общие для потомков антов и алан, но равным образом и сами лексические заимствования. Здесь будет уместным привести три (еще одно **mā-goša* ‘лентяй’ см. выше) потенциально аланских лексических реликта в восточнославянском словаре, кажется, еще не обсуждавшихся в литературе по этимологии.

3.1. Рус. диал. черниг. (островной говор) *бакáндок* ‘хлебец, выпекаемый в поминальные дни’ [15, 27]. Несмотря на подобие русским деминутивам на *-ок-*, едва ли относится к ним: во-первых, им

свойственна подударность форманта (за редким исключением, когда слова с *-ок-* уже не осознаются как уменьшительные или же *-ок-* тут имеет иное значение), а не корня, во-вторых, производящая основа **баканд-* не известна русскому. Но предположим в *ба-канд-* результат развития некоего **ба-калд-* (ср. известное диалектной фонетике изменение кластера *лд > нд*) с префигированием псл. **кълд-* (ср. суффиксальный дериват **кълд-ихъ >* рус. диал. волог. *ковдúшек* ‘каравай хлеба’ [12, XIV-28]) – основы, вариантной псл. **кълb-* в **кълbаса* (: рус. диал. *калбáшка* ‘небольшой круглый хлеб’), **кълbихъ* (: рус. диал. *калábух* ‘небольшой хлеб, испеченный из остатков теста’, *колábух*, *кулábух* ‘пресная лепешка’) [6, XIII-179, 182]. Как видим, окончательно принять славянскую этимологию мешает наличие нескольких «если»: 1) избыточность приставки **ба-* в названии хлеба на фоне прочих однокоренных лексем с близкой семантикой, лишенных *ба-*; 2) гипотетичность в данном случае перебоя *лд > нд*, известного своей спорадичностью.

Более убедительным считаем иное толкование. Допустимо говорить об усвоении алан. **ба-кандак* или **ба-кандак* (< **ира-канта-ка-*), которое образует изоглоссу с хорезмийскими названиями хлеба, лепешки *ркнд*, *бкнд*, *ркюд* [*паканд*] < **ира-канта-*, отличаясь от них лишь наличием суффикса. Ср. замечание Д. И. Эдельман о легкости заимствования названий хлеба, лепешки как культурных терминов из иранских языков в тюркские, финно-угорские и др. языки ([16, IV-214]: тут же приведены хор. и прочие иран. примеры с «хлебной» семантикой). Критерий, который дает нам право видеть в **ба-кандак* или **ба-кандак* аланское слово, это характерное для осетинской исто-

рической фонетики развитие анлаутного кластера **ир-* в *b-*, изменившее облик древнего преверба **ира-* как **ба-* (см., напр.: [1, I-231, 232]).

3.2. В пастушеской лексике украинского говора с. Песчаный Брод Добровеличковского р-на Кировоградской области отмечен термин *барóg*, *барól* ‘мешочек из свиного желудка, в котором пастухи переносят и хранят воду или еду’ [17, 240], насколько нам известно, нигде более не зафиксированный. Единственным указанием (очень приблизительным) на возможный первоначальный ареал *барóg*, *барól* является историческая справка из «Предисловия» к словарю этого говора, согласно которой говор является переселенческим, а его носители пришли с территории современной Одесской области [18, 4], откуда и могло быть перенесено слово. И хотя доступные материалы по современной диалектной лексике говоров Одесской области не содержат ничего подобного, вполне вероятно, что наше слово существовало здесь ранее. Более того, учитывая слабую обследованность словаря этого ареала, до сих пор не располагающего сколько-нибудь значимым лексикографическим описанием, еще можно надеяться на обнаружение близкой формы при последующем сборе диалектных данных.

Вероятным источником укр. диал. *барóg*, *барól* в итоге могла быть среднеиранская форма, восходящая к праиран. **bāraка-/bāraка-* или к **barga-*, ср.: пшт. *waráу* ‘вьюк’ (< **bāraка-/bāraка-* ‘несущий, носитель’, но и ‘несомый’) и бактр. *βаруо* ‘сосуд, хранилище, вместилище’, равным образом возводимое как **barga-*, так и к **bāraка-/bāraка-*. Особенно показательна семантика бессуф. **-bara-*, **-bāra-* ‘переносной; вме-

стилице для содержания, переноски чего-либо, отраженных в таких композитах, как перс. *kūlabār* 'заплечный мешок', язг. *kālwór* 'кожаный мешочек для пищевого припаса в дорогу' [16, II-95, 97, 114]. Фонетически и семантически эта версия вполне жизнеспособна, ср. слав. 'мешочек из желудка' VS иран. 'вьюк' как 'мешок (с товаром, вещами)' и 'сосуд' и пр., далее – усвоение последовательности иран. *ā* – *a* как *a* – *o* в славянском, а также исход *-s* украинской лексемы, который продолжает этимологическое **-k-* (ср. укр. диал. *gorhoši* 'плечи, закорки' < псл. **kьrkъ* 'шея').

Принимая аланский источник **bārag* для славянского термина, мы апеллируем к форме типа осет. *baræg* 'всадник', но не в активном значении, свойственном осетинскому, а в пассивном 'несомое (походный мешок)', т.к. в старых лексикализованных образованиях формы с *-æg* нередко имеют пассивную или медиальную семантику (см. [5, 568–569]). Выбор же варианта **barg[a]* (< **barga-*) означает, что его аланский рефлекс был перестроен славянами по типу *tort* > *torot* в эпоху развития полногласия и испытал дальнейшие изменения в украинской диалектной среде.

3.3. Диал. н.-поднепр. *борона́* 'свадебный пирог, испеченный в доме жениха для отца невесты' в «Этимологічному словнику української мови» расценено как этимологически неясное [13, I-233]. По форме – явно праславянское слово **borna*, но среди старой славянской лексики оно изолировано, потому до введения в оборот более убедительной трактовки предлагаем считать **borna* аланским заимствованием поздней праславянской эпохи. Инфильтрация более древнего иранского (**uār-na-* > **wārna-* в славянский привела бы к псл.

**vorna* с ослаблением иран. *ā* > *a* > слав. *o* в структуре *tort* или к перестройке морфологии по образцу прилагательных на *-bn-*, т.е. к **varьna*. Аланский прототип **barn[a]*, принадлежавший семантическому полю правовой лексики, сохранен осетинским словарем, ср. диг. *барнае* 'ответственность', 'попечение' [19, 159], ир. *baern* 'то же' – дериват с суф. *-n* (= др.-иран. *-na-*) от *bar* 'право', 'власть', 'воля' [1, I-253]. Таким образом, алан. **barn[a]* 'ответственность', 'попечение' в восточнославянском локально усвоено как обозначение символической гарантии (ритуального хлеба) женихом обязанности заботиться о девушке, входящей в его дом, перед ее отцом.

Разобранные случаи характеризуют славяно-(сармато-)аланские контакты позднего праславянского времени и древнерусской эпохи в той же мере, что и выделенные В.И. Абаевым и И.Г. Добродомовым аланизмы в восточнославянском словаре. Предполагаемая праславянская диалектная среда, где были сформированы указанные лексемы и фраземы, это – племенные диалекты восточной ветви антов, которые, согласно Прокопию, в VI в. н. э. жили к северу от Азовского моря, предположительно, в районе Донца – Дона [20, 241–242]. Это именно тот племенной союз, где влияние степной аланской культуры, видимо, было значительным, что географически вероятно, поскольку группы алан были рассеяны по всему побережью Азовского моря от устья Дона до Тмутаракани, занимая и часть Крыма [21, 376]. Ср. заключение русского историка Г.В. Вернадского о том, что «анты – славянское племя, контролируемое аланским кланом *ас*. Иными словами, анты были асо-славянами», «племя антов первоначально контроли-

ровалось аланскими родами» [20, 186, 244], и гипотезу о существовании антских (асо-славян) и русских (рухс-ас) соединений внутри западной аланской орды [20, 296].

Потомки обеих ветвей антов (восточной – в регионе Донца и западной – в Бессарабии, в изгибе черноморского

побережья между Днестром и Дунаем) [20, 244] в результате сложных этногенетических процессов поучаствовали в формировании общерусской народности, оставив лексико-фразеологическое наследие в русских и украинских диалектах Причерноморья и украинских степных говорах.

1. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958–1989. Т. I–IV.

2. *Иванов Вяч.Вс.* Славяно-арийские (= индоиранские) лексические контакты // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. М., 2002. С. 17–60.

3. *Громко Т.В.* Діалектологічно-фольклорні матеріали говірок Центральної України. Кіровоград, 2008.

4. *Исаев М.И.* Очерки по фразеологии осетинского языка. Орджоникидзе, 1964.

5. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. Т. 1.

6. *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева.* М., 1977. Вып. 4; 1987. Вып. 13.

7. *Фрейман А.А.* Хорезмийский язык. Материалы и исследования. М.; Л., 1951. Вып. I.

8. *Monier-Williams, Monier, Sir.* A Sanskrit-English Dictionary: Etymologically and Philologically Arranged with Special Reference to Cognate Indo-European Languages. Delhi, Motilal Banarsidass, 1988.

9. *Лившиц В.А.* Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб., 2008.

10. *Толковый словарь осетинского языка.* В 4-х т. / Под общ. ред. Н.Я. Габареева. М., 2007. Т. I.

11. *Українські приказки, прислів'я і таке інше.* СПб., 1864.

12. *Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина и Ф.П. Сороколетова.* Л., 1978. Вып. 14; 1986. Вып. 21.

13. *Етимологічний словник української мови / За ред. О.С. Мельничука.* Київ, 1982. Т. 1; 2006. Т. 5.

14. *Жигора І.В.* Анкетування в системі методів діалектології: збирання обрядової лексики та фразеології (науковий звіт). Кіровоград, 2016.

15. *Бондарь А.О.* Названия кулинарных изделий и напитков в русском островном говоре Украины (с. Сеньковка Городнянского р-на Черниговской обл.): Дипломная работа. Кіровоград, 1982.

16. *Расторгуева В.С., Эдельман Д.И.* *Этимологический словарь иранских языков.* М., 2003. Т. 2; 2011. Т. 4.

17. *Громко Т.В.* Матеріали до словника говірок української мови // *Studia semasiologica.* Кіровоград, 2017. С. 239–253.

18. Громко Т.В. Словник говірки села Піщаний Брід Добровеличківського р-ну Кіровоградської області. Кіровоград, 2020.
19. Таказов Ф.М. Дигорско-русский словарь. Русско-дигорский словарь. Владикавказ, 2015.
20. Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь; М., 2000.
21. Вернадский Г.В. Киевская Русь. Тверь; М., 1996.

Iliadi, Alexander I. – Volodymyr Vynnychenko Central Ukrainian State Pedagogical University (Kirovograd, Ukraine); alexandr.iliadi@gmail.com

SLAVO-ALANICA.

Keywords: etymology, semantics, derivative, language contacts, reconstruction.

*The paper views a number of linguistic evidences of contacts of the ancient Slavs and the Alans – an eastern Iranian nomadic ethnos, which, according to medieval chroniclers and evidence from archeology, in VI century A.D. settled Southern Russian steppes, Azov Sea region and partially Crimea. The author makes his conclusions, drawing on the factual basis, formed of a sum of etymological versions, including such categories: a) exclusive Slavic and Alanian etymological parallels on the level of formulaic expressions, related to the poetic and legal language and formed on the patterns, which were common for both languages: (Proto-Slav. *bъrati sьrdьce ~ Alan. *zard [?]-varun; Proto-Slav. *čariti kьrtь ~ Middle Iran. (Alan.?) *karda kar[n]-; Proto-Slav. *činiti koranъ ~ Alan. *kar[a] na, cozd. vadu-karanāk); b) probable borrowings in Slavic vocabulary from Alanian dialects (*mā-goša 'lazybones', *ba-kandak or *ba-kandag 'ritual bread', *bārag or *barg[a] 'shepherd's sack', *barn[a] 'obligation', 'guarantee of care'); c) quite close analogies. The areal of probable Slavo-Alanica traces, overviewed in the paper, can be limited to the steppe dialects of Ukraine, dialects of Odessa and Kherson regions that are lands, which lay within the boundaries of the contacts between the Aso-Slavic tribe Antae and Alans. Based on what is told in the paper the author makes the conclusion about probable belonging listed lexical and phraseological units to the relicts of Alanian-Antae adstratum, inherited by Slavic languages.*

REFERENCES

1. Abaev, V.I. 1958–1995: *Istoriko-etimologičeskii slovar' osetinskogoazyka* [Historical and etymological dictionary of Ossetian language]. Moscow – Leningrad, USSR Academy of sciences, 1958–1989, vols. I–IV.
2. Ivanov, Vyach.Vs. *Slavyano-ariiskie (= indoiranskie) leksicheskie kontakty* [Slavic-Aryan (= Indo-Iranian) lexical contacts]. *Slavyanskaya yazykovaya i etnoyazykovaya sistemy v kontakte s neslavyanskim okružheniem* [Slavic linguistic and ethno-linguistic systems in contacts with non-Slavic surrounding]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002, pp. 17–60.
3. Gromko, T.V. *Dialektologično-fol'klorni materialy govirok Tsentral'noi Ukraini* [Dialectological and folklore materials of dialects of Central Ukraine]. Kirovograd, 2008. 203 p. (in Ukrainian)
4. Isaev, M.I. *Očerki po frazeologii osetinskogoazyka* [Essays on phraseology of Ossetian]. Ordzhonikidze, Severo-Osetinskoe knizh. izd-vo, 1964. 104 p.
5. Abaev, V.I. *Osetinskii yazyk i fol'klor* [Ossetian language and folklore]. Moscow, USSR Academy of sciences, 1949, vol. I. 601 p.

6. Trubachev, O.N. (ed.) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: Praslavyanskii leksicheskii fond* [An Etymological dictionary of the Slavonic languages: Proto-Slavonic lexical stratum]. Moscow, Nauka, 1977, iss. 4. 235 p.; 1987, iss. 13. 285 p.
7. Freiman, A.A. *Khorezmiiskii yazyk. Materialy i issledovaniya* [Khwarezmian language. Materials and studies]. Moscow – Leningrad, USSR Academy of sciences, 1951, iss. 1. 118 p.
8. Monier-Williams, Monier, Sir. *A Sanskrit-English Dictionary: Etymologically and Philologically Arranged with Special Reference to Cognate Indo-European Languages*. Delhi, Motilal Banarsidass, 1988. 1333 p.
9. Livshits, V.A. *Sogdiiskaya epigrafika Srednei Azii i Semirech'ya* [Sogdian epigraphy of Central Asia and Semirechye]. St. Petersburg, Saint-Petersburg State University, 2008. 416 p.
10. Gabaraev, N.Ya. (ed.) *Tolkovyi slovar' osetinskogo yazyka. V 4 t.* [An Explanatory dictionary of Ossetian. In 4 vols]. Moscow, Nauka, 2007, vol. I. 510 p.
11. *Ukrains'ki prikazki, prisliv'ya i take inshe* [Ukrainian proverbs, sayings and the like]. St. Petersburg, Tipogr. Tiblena i komp. i Kulisha, 1864. 304 p. (in Ukrainian)
12. Filin, F.P., Sorokoletov, F.P. (eds) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Leningrad, Nauka, 1978, iss. 14. 376 p; 1986, iss. 21. 360 p.
13. Melnychuk, O.S. (ed.) *Etimologichnii slovník ukrains'koï movi* [An Etymological dictionary of Ukrainian]. Kyiv, Naukova dumka, 1982, vol. 1. 631 p.; 2006, vol. 5. 705 p. (in Ukrainian)
14. Zhygora, I.V. *Anketuvannya v sistemi metodiv dialektologii: zbirannya obryadovoi leksiki ta frazeologii (naukovii zvit)* [Questionnaire in the system of dialectological methods: Collecting of rite lexics and phraseology (scientific report)]. Kirovograd, 2016. 42 p. (in Ukrainian)
15. Bondar, A.O. *Nazvaniya kulinarykh izdelii i napitkov v ruskom ostrovnom govore Ukrainy (s. Sen'kovka Gorodnyanskogo r-na Chernigovskoi obl.)* [Names of culinary products and drinks in an island dialect of Russian in Ukraine (village Sen'kovka of the Gorodnyansky district of the Chernigov region)]. Graduation work. Kirovograd, 1982. 61 p.
16. Rastorgueva, V.S., Edelman, D.I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov* [Etymological dictionary of the Iranian languages]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2003, vol. 2. 502 p.; 2011, vol. 4. 415 p.
17. Gromko, T.V. *Materiali do slovníka govirok ukrains'koï movi* [Materials for the dictionary of Ukrainian dialects]. *Studia semasiologica* [Studia semasiologica]. Kirovograd, TsDPU, 2017, pp. 239–253. (in Ukrainian)
18. Gromko, T.V. *Slovník govirki sela Pishchanii Brid Dobrovelichkivs'kogo r-nu Kirovograds'koï oblasti (rukopys')* [The Dictionary of the dialect of village Peshchany Brod of the Dobrovelichkovsky district of the Kirovograd region. (Unpublished manuscript)]. Kirovograd, 2020. 357 p. (in Ukrainian)
19. Takazov, F.M. *Digorsko-russkii slovar' . Russko-digorskii slovar'* [Digor-Russian dictionary. Russian-Digor dictionary]. Vladikavkaz, Pervaya Obrastsovaya tipografiya, 2015. 869 p.
20. Vernadsky, G.V. *Drevnyaya Rus'* [Ancient Rus]. Tver, LEAN; Moscow, AGRAF, 2000. 448 p.
21. Vernadsky, G.V. *Kievskaya Rus'* [Kievan Rus]. Tver, LEAN; Moscow, AGRAF, 1996. 448 p.